

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX–XXI ВЕКОВ

УДК 821.161.1-31(Шмелев И. С.). ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08 (5.9.3)

МОТИВЫ АПОКАЛИПСИСА В РОМАНЕ И. С. ШМЕЛЕВА «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ»

Догнал Й.

Университет им. Св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Словацкая Республика)
Университет им. Масарика (Брно, Чешская Республика)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0763-5784>

Цинтула И.

Университет им. Св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Словацкая Республика)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6740-9669>

А н н о т а ц и я . В статье исследуется роман Ивана Сергеевича Шмелева «Солнце мертвых» (1923), посвященный Гражданской войне в России как одному из самых критических периодов российской истории. Текст произведения, считаемого авторами статьи выражением «рассказываемой истории», тематизирует, например, отношения большевиков с Церковью, целенаправленное уничтожение интеллигенции, использование голода как инструмента контроля над населением, варварское обращение с гражданским населением, неуважение к рабочим, от имени которых большевики подстрекали к революции, обесценивание человеческой жизни и материальных благ. В романе также обвиняется Европа в том, что она сложа руки смотрела на разрушение остатков старой России. Анализ базируется в основном на историческом и компаративистском методах, с помощью которых текст произведения связывается с историческими событиями, с одной стороны, и с библейским новозаветным текстом, прежде всего с «Откровением Иоанна Богослова», – с другой. Проведенный анализ показывает, что творческий замысел писателя основывается на убеждении, что Гражданская война представляет собой конец одной эпохи, прежде всего это показано на приметах, которые можно связывать с образами библейских всадников, вносящих разрушение. Сравнительный анализ подтверждает, что Шмелев в романе затрагивает мотивы, которые встречаются в Библии. В тексте романа уделяется особенное внимание мотиву конца и темам разрушения и уничтожения, которые библейский текст считает мировыми. Почти хроникальный текст Шмелева показывает их как явления, характеризующие опасные зародыши нового уклада жизни в послереволюционной России. В заключении статьи сформулированы основные выводы, в основе которых лежит мнение, что Шмелев сумел включить в роман «Солнце мертвых» и структуру, и тематические элементы библейского текста, выстраивая роман как стилизованную, актуализированную версию апокалипсиса. Исследованный текст можно рассматривать и как «свидетельство», и как исторический документ, который, с точки зрения очевидца, выступающего в лице рассказчика, отражает процесс становления советской власти в Крыму в связи с более широко понимаемым историческим контекстом, как российским, так и европейским.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные мотивы; литературные сюжеты; романы; Гражданская война; Библия; апокалипсис.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Догнал, Й. Мотивы апокалипсиса в романе И. С. Шмелева «Солнце мертвых» / Й. Догнал, И. Цинтула. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 123-132.

MOTIFS OF APOCALYPSE IN I. S. SHMELEV'S NOVEL "SUN OF THE DEAD"

Josef Dohnal

University of Ss. Cyril and Methodius (Trnava, Slovak Republic)

Masaryk University (Brno, Czech Republic)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0763-5784>

Igor Cintula

University of Ss. Cyril and Methodius (Trnava, Slovak Republic)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6740-9669>

Abstract. The article investigates the novel by Ivan Sergeevich Shmelev "The Sun of the Dead" (1923), dedicated to the Civil War in Russia as one of the most critical periods in Russian history. The text of the work, considered by the authors of the article to be an expression of "a story told", thematizes, for example, the relationship between the Bolsheviks and the Church, the purposeful destruction of the intelligentsia, the use of hunger as a tool of the population control, the barbaric treatment of the civilian population, the disrespect for the workers on whose behalf the Bolsheviks incited the revolution and the depreciation of human life and material wealth. The novel also accuses Europe of having idly watched the destruction of the remnants of old Russia. The analysis is based mainly on historical and comparative methods, with the help of which the text of the work is associated with historical events, on the one hand, and with the biblical New Testament text, primarily with the "Revelation to St. John", on the other. The analysis carried out shows that the writer's creative plan is based on the belief that the Civil War represents the end of one era, which is primarily shown in the signs that can be associated with the images of biblical horsemen who bring destruction. The comparative analysis confirms that in his novel, Shmelev touches on the motifs found in the Bible. In the text of the novel, special attention is paid to the motif of the end and the themes of destruction and annihilation, which are considered universal by the biblical text. Shmelev's almost documentary text depicts them as phenomena characterizing the dangerous sprouts of a new way of life in post-revolutionary Russia. At the end of the article, the main conclusions are formulated, which are based on the opinion that Shmelev managed to include both the structure and the thematic elements of the biblical text in the novel "The Sun of the Dead", building the novel as a stylized, updated version of the apocalypse. The text under consideration can be viewed both as "evidence" and as a historical document, which, from the point of view of an eyewitness acting in the person of the narrator, reflects the process of the formation of Soviet power in Crimea in connection with a more widely understood historical context, both Russian and European

Key words: Russian literature; Russian writers; literary creative activity; literary genres; literary motifs; literary plots; novels; civil war; Bible; apocalypse.

For citation: Dohnal, J., Cintula, I. (2022). Motifs of Apocalypse in I. S. Shmelev's Novel "Sun of the Dead". In *Philological Class*. Vol. 27. No. 1, pp. 123-132.

Творчество Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) оставалось довольно долгое время вне серьезного внимания русского литературоведения. Причиной этому стала отрицательная позиция писателя по отношению к государственному строю, установившему свою власть в стране после 1917 года. Шмелев, как и много других писателей того времени, с радостью приветствовал Февральскую революцию 1917 г., которую он воспринял как реальную возможность осуществить долгожданные системные перемены в русском обществе. Последующий за ней большевистский переворот в октябре того же года писатель встретил скептически, предвидя надвигающуюся волну вражды и насилия и их возможную

эскалацию. Из-за недоверчивого отношения к власти большевиков, чьи взгляды на будущее России он не разделял, Шмелев был скоро отмечен ими как один из «реакционных писателей», т. е. как враг нового государственного строя, что еще более усугубилось после его эмиграции в 1923 г. Учитывая тот факт, что Шмелев долгих 27 лет находился в зарубежье, в котором не изменил свои взгляды на советскую власть, на большевистскую идеологию и на то, как представители новой власти правят страной, неудивительно, что в СССР большая часть его творчества десятилетиями оставалась без внимания. Произведения Шмелева в русском литературоведении долгое время не рассматривались, и писатель был

в СССР известен прежде всего как автор повести «Человек из ресторана» (1911), высоко оцененной современниками (И. А. Буниным, М. Горьким и другими) благодаря ее социальной направленности.

Лишь к концу XX века И. С. Шмелев был полностью реабилитирован и интерес к его литературному творчеству стал возрождаться. С каждым годом растет количество работ, посвященных произведениям писателя, появляются и статьи, и монографии, и мемуары. Накануне нового тысячелетия (1999–2001 гг.) было издано пятитомное собрание сочинений (Ив. Шмелев. Собрание сочинений в 5 томах), в котором Е. А. Осьминина представляет именно эмигрантское наследие Шмелева; творчеству писателя посвящены также монография Л. А. Спиридоновой «Художественный мир И. С. Шмелева» (2014) или Ю. У. Каскиной «И. С. Шмелев и русская классика XIX века. И. С. Тургенев, А. П. Чехов, Ф. М. Достоевский» (2019) и другие научные работы, в том числе, например, М. М. Дунаева, Г. И. Карпова или Н. Л. Лейдермана. В плане новопоявляющихся исследований, посвященных творчеству Шмелева, немало диссертационных работ. Оправданный интерес ученых вызывает множество произведений, которые по идеологическим соображениям ранее были недоступны. Стоит упомянуть, например, работы С. Чэня «Картина бытия в “Солнце мертвых” И. С. Шмелева и литературный контекст» (2021), Л. А. Лысенко «Генезис и идейно-художественные особенности образа православной России в произведениях И. С. Шмелева “Лето Господне” и Б. К. Зайцева “Путешествие Глеба”» (2020) или В. А. Соткова «Феномен праведничества в прозе И. С. Шмелева 1920–1930-х гг.» (2017), в которых они исследуют творчество Шмелева, освобождаясь от строгих идеологических рамок, и реагируют на существенные изменения методологических подходов к анализу художественного текста в начале XXI века. Данные работы подтверждают, что творчество И. С. Шмелева представляет собой все еще не полностью изученный этап в истории русской литературы, стоящий интереса и по своему эстетическому своеобразию, и по своим ценностным ориентирам.

Стоит также упомянуть тот факт, что с

1990 г. в городе Алуште проходят Крымские международные Шмелевские чтения – научная конференция, которая проходила почти ежегодно, а с 2018 года – раз в два года, и привлекает внимание исследователей творчества И. С. Шмелева. Место проведения Шмелевских чтений не удивляет. Жизненный путь Шмелева неразрывно связан с Крымом, где он находился во время разгара Гражданской войны в 1918–1922 гг. Именно в Крыму писатель стал свидетелем братоубийственного конфликта Гражданской войны, трагического процесса гибели устоявшегося образа жизни населения этой части территории Российской Империи и падения веками сложившихся порядков, в том числе моральных, культурных и духовных ценностей и норм. «О Крыме – символе нашего крестного пути – я оставил русским людям свое истерзанное сердце – мое горькое “Солнце мертвых”» [Бальмонт 2005: 284], – сказал по свидетельству К. Д. Бальмонта Шмелев о романе, написанном им в парижской эмиграции в 1923 году.

Роман «Солнце мертвых» писался Шмелевым под непосредственным влиянием воспоминаний о событиях Гражданской войны на территории Крымского полуострова. Это отразилось и в выборе наррации от первого лица, и в фактографичной и эмоциональной достоверности, с которой рассказчик как *alter ego* писателя фиксирует в тексте произведения многие реальные события, которые вошли в его поле зрения и которые оставили свои следы в его памяти и в его сознании. Это придает роману атмосферу аутентичного, почти хроникального текста, поэтому все произведение становится по своей сути субъективным свидетельством непосредственного участника судьбоносных событий в истории и культуре всей страны. Это заметил уже А. В. Амфитеатров; по его словам, Шмелев в романе «не пугает, а только рассказывает день за днем, шаг за шагом “эпопею” своего крымского, обывательского существования в голодный год под большевистским гнетом» [Амфитеатров 1926: 8].

По времени своего возникновения роман «Солнце мертвых» представляет собой одно из первых крупных литературных произведений о Гражданской войне. Шмелев в нем, однако, сумел преодолеть тен-

денцию к исключительной документальности, он не поддался даже искушению быть слишком субъективным и повествовать об убийстве его сына красными, а создал впечатляющую, обобщающую картину, намного шире и глубже осмысляющую тогдашние события, связав ее с архетипом конца мира, с библейским Апокалипсисом.

Оба текста связаны лицом повествователя – прямого свидетеля повествуемого. Главный герой и рассказчик романа «Солнце мертвых» в одном лице, подобно библейскому Иоанну в «Откровении Иоанна Богослова», приносит свидетельство о разрушении мира. Само слово «откровение» происходит от греческого «апокалипсис» (αποκαλυψις), т. е. откровение, снятие покрова, новое знание, что во многом определяет его восприятие как какого-то нового слова, сообщения того, что пока оставалось скрытым. Завершающий текст Нового Завета является единственной пророческой книгой, направленной в будущее и предупреждающей о том, что может ожидать потерявших веру людей. Иоанн в тексте неоднократно упоминает, что в «Откровении» записал именно аутентичные сведения, то, что он сам видел или слышал. Он подчеркивает это в тексте, повторяя такие глаголы, как, например, «я увидел» (Откр. 1:14 и др.), «я видел» (Откр. 17:6 и др.) или «увидел я» (Откр. 21:1 и др.). И действительно, его внимание уделено зрительному в восприятии апокалипсиса – можно сказать, что очевидцем в «Откровении» визуализируется процесс наказания тех, кто не тверд в христианской вере. Таким образом, повествование об «открываемых» событиях в «Откровении» Иоанна приобретает весьма субъективный характер (свидетельство от прямого наблюдателя); включение визуального и слухового элементов в повествование интенсифицирует эмоциональную нагрузку, не только возбуждая фантазию реципиента, но и суггерируя ему непосредственный контакт со всеми кошмарными явлениями, угрожающими отклонившимся от «правой веры».

Подобно этому, можно считать роман Шмелева не только субъективизированным пересказом/передачей увиденного и пережитого писателем, но и вещим открытием («словом»), сообщением «видящего» о масштабности происходящего, выходяще-

го по своему значению далеко за рамки конкретных событий, явлений, судеб. Как утверждает А. Моторин, «словесный дар человека неразрывно связан с его личным самосознанием. Поэтому в “словах” естественным оказывается личностное, лирическое самовыражение авторов» [Моторин 2008], поскольку «избранное событие служит отправной точкой для широких историсофских и духовно-нравственных рассуждений о судьбах мира и своего народа, о месте отдельного человека в мировой истории» [Там же]. Таким (не по его собственной воле) избранным событием стало для Шмелева утверждение советской власти на Крымском полуострове, приобретшее в видении писателя значение апокалипсиса – открытия рассказчиком полного значения событий как рубежа двух несовместимых эпох, как разрушения до сих пор существующего мира. В романе не только тематизируются катаклизмы, происходящие в Крыму, но на обобщенном, общероссийском и мировом уровнях (в обращениях и предубеждениях, направленных в адрес Европы) они далеко превосходят своего рода документ. На этом уровне обобщения внимание рассказчика привлекает не произвол новых господ Крыма, брошенный «средний» и «маленький» человек на грани гибели, его конкретные страдания и в их результате постепенное истребление, а человеческое существо лицом к лицу с концом целой исторической эпохи, с концом (старого) мира. Шмелев в этом отношении продолжает традицию тематизации позиции «маленького человека» в мире, которая стала одной «из архетем русской литературы XIX века <...> эта модель переходит и в XX век» [Догнал 2014: 153], придавая ей значение эмблемы, вбирающей в себя судьбу целых поколений. Шмелев следует за такими писателями, как Н. В. Гоголь или Ф. М. Достоевский, что заметил, например, Н. Л. Блищ: «И. Шмелев считал себя прямым наследником Ф. М. Достоевского. Он активно развивал тему маленького человека, продолжал мотивы преступления и наказания, вины и расплаты» [Блищ 2017: 12]. Шмелев изображает заурядных представителей крымского населения и возвышает их до представителей всего народа, но он одновременно присуждает их страданиям не социальную

подоплеку, а наделяет их судьбу признаками роковой гибели представителей «старого мира», носителей «неправильной веры»: их будущее – только смерть. Доказательством этого служат и частая тематизация смерти, и размышления рассказчика о ней, например тогда, когда он повествует о том, что он «сидел на бугре, смотрел через городок на кладбище. Всматривался в жизнь Мертвых. Когда солнце идет к закату, кладбищенская часовня пышно пылает золотом. Солнце смеется Мертвым. Смотрел и решал загадку – о жизни-смерти» [Шмелев 2014: 366]. Черты повышенной обобщенности заметили в произведении и авторы учебного пособия «Русская литература XX века (1917–1920-е гг.)», по словам которых «уже библейский ореол названия задает уровень философско-религиозного обобщения» [Лейдерман 2012: 306].

Искать основу связи темы конца эпохи в романе «Солнце мертвых» с «Откровением Иоанна Богослова» нетрудно: достаточно напомнить, что Шмелев вырос в семье, которая отличалась своей патриархальностью. Неотъемлемой чертой этой патриархальности были чувство патриотизма, страстная любовь к родной земле, ее истории и, конечно же, истовая религиозность. В автобиографии Шмелев вспоминал: «В доме я не видал книг, кроме Евангелия, которое нас, детей, заставляли читать великим постом, и молитвенников» [Черников 1973: 143]. Библейский образ апокалипсиса, который Шмелев, по всей вероятности, знал с раннего детства, мог сыграть роль определенного вдохновляющего архетипа, который он, осознавая это, обрабатывал, осмыслил, включая не библейские, а современные реалии. Гипотеза о типологической близости романа новозаветному тексту подтверждается целым рядом примет, которые можно найти во всем тексте романа, особенно в заложении основы структуры сюжета романа как апокалиптического действия – наказания «неверующих» (не принимающих новую власть и проповедуемый ей коммунизм), полного разрушения их мира (и Крыма, и, прежде всего, их способа жизни, и их самих).

В «Откровении Иоанна Богослова» описываются семь печатей (Отк. 6:1–17; 8:1–5) повествующих о разрушении мира в ходе испытания как своего рода эксперимен-

та, перед которым стоит весь мир и его обитатели. Испытание происходит также в «Солнце мертвых» как форма эксперимента, проводимого пока непосредственно в России, который может скоро хлынуть в Европу: «Случиться может... И ты, Лондон гордый, крестом и огнем храни Вестминстерское свое аббатство! Придет день туманный – и не узнаешь себя... Много без роду и без креста – жаждут, жаждут... Много рабов готовых. Груды золота по подвалам, и много пустых карманов» [Шмелев 2014: 247].

Разные по сюжету главы романа объединяются в единое целое и согласно интенции Шмелева приобретают структуру, во многом похожую на Апокалипсис («Откровение») св. Апостола Иоанна Богослова. Вместо ста сорока четырех тысяч, «у которых имя Отца Его написано на челах» [Библия 2000: 1098], надвигающееся полное разрушение в романном мире представляют также анонимные «эти» [Шмелев 2014: 224], «новые творцы жизни» [Там же: 246] или просто «другие» [Там же: 304], как Шмелев обозначает революционеров. Они сочетают в себе черты всех четырех всадников, «которые имели на себе брони огненные, гиацинтовые и серные; головы у коней – как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера» [Библия 2000: 1095] и которым посвящены первые четыре печати «Откровения».

Первый всадник представлен формулировкой «конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить» [Там же: 1092–1093]. И в романе Шмелева те, кто в «дождях приехали туда, в городок, эти, что убивать ходят» [Шмелев 2014: 193], те, которые не только свою «душу заразили, все завоняли! и еще весь мир приглашают: дружно будем... вонять!» [Там же: 328], представлены как побеждающие других, как и желающие, и предназначенные одержать победу, во имя которой они пользуются оружием и ореолом победителей. Их победа основана на насилии, на том, что они ставят себя выше других – библейское «венец» можно в данном смысле трактовать как «корона».

Рыжему коню и сидящему на нем второму всаднику «дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему

большой меч» [Библия 2000: 1093] – именно он сеет междоусобицы и вражду между людьми. Подобно этому в романе «эти» настраивают людей друг против друга. С их приездом в Крым усиливаются все беды Гражданской войны, они разрушают пока сохранившиеся устои: жизнь начинают наполнять грабежи, насильственная экспроприация, голод, болезни, социальная ненависть, духовный и моральный кризис, линчевания, убийства и т. д., причем и в романе они показаны в качестве междоусобиц и вражды, косвенно вызванных «этими». Действия разрушителей жизни, как и всадника, описываемого св. Иоанном Богословом, так и «этих» Шмелева, одинаковы: они и разрушают установившийся порядок сосуществования разных слоев общества, и захватывают, и воруют, и стимулируют ненависть, они же начинают и убивать, и приносить смерть всему живому. В романе Шмелева это особенно ярко показано в главе «Про Бабу-Ягу», в которой описываются их повседневные действия в Крыму, когда «мчится автомобиль за Ялту. Дела, конечно. Без дела кто же теперь кататься будет? Это они, я знаю» [Шмелев 2014: 206]. Под «делом» подразумевается убийство несогласящихся. Еще больше ужаса вызывает тот факт, что «эти» от таких действий «никакого ужаса не ощущают!» [Там же: 330]. В итоге мир в «Солнце мертвых» наполняют только «пустота и кровь» [Там же: 254], «заброшены, забыты сады. Опустошены виноградники. Обезлужены дачи» [Там же: 176], и живут в Крыму не обычные люди, а мученики – «праведники на кладбище нашем» [Там же: 271].

За третьей печатью в «Откровении» представлен «конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей» [Библия 2000: 1093] – он словно судья, который призван судить, оценивать, «взвешивать» каждого человека отдельно. Аналогию ему представляют в романе как раз «эти» со своей системой ценностей и со своими законами, по которым каждый человек «даже на мать обязан донести до партии!» [Шмелев 2014: 279]. Они, основываясь не только на их убеждениях и ценностях, но и на сиюминутном побуждении, судят других: они – и закон, и судья, и, наконец, палач.

В «Откровении» св. Иоанна Богослова разрушение, катаклизмы и бедствия явля-

ются предшествованием Второго пришествия Христова. В то же время идет процесс спасения тех людей, которые Христу доверились (были тверды в своей христианской вере), поскольку «блажен читающий и слушающие слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нем» [Библия 2000: 1088], но в «Солнце мертвых» разрушение основано на том же принципе («верующие» против «неверующих»), но «они» приносят антихристианский атеизм. События, означающие конец старого порядка, наказывают население за неохоту единогласно и без сомнений принять коммунизм как новую идеологию (мировоззрение) и атеизм как ее религию «неверия в Бога». Получается парадоксальная ситуация: наказываются верующие/христиане, побеждают неверующие/атеисты, но с точки зрения идеологии «этих» дела обстоят наоборот, так что верующие в атеизм/коммунизм наказывают за то же самое неверующих православных христиан. Такой резкий поворот, безусловно, вызвал широкий резонанс в российском обществе, во всех слоях, воспитанных на христианских традициях, поскольку и сама русская культура была с древних времен неразрывно связана с глубоким чувством веры и с отождествлением с библейскими канонами. Возможная потеря веры и как одной из трех основных опор Российской империи (вспомним уваровскую триаду православие – самодержавие – народность), и как символа собственного прошлого только усиливает в романе ощущение наступающего Конца, выливающееся в ощущение, что «теперь можем создать новую философию реальной ирреальности! новую религию “небытия помойного”... когда кошмары переходят в действительность» [Шмелев 2014: 227]. Рассказчик даже уверяет: «подходят страшные времена из Апокалипсиса Ивана Богослова... кони усякие, и черные, и белые... и всадники на них огненные, в железе... в же-ле-зе!» [Там же: 265]. Это упоминание наиболее ярко подтверждает факт, что Шмелев не только был знаком с библейской версией Апокалипсиса св. Апостола Иоанна Богослова, но что он сознательно связывал с библейским текстом и приравнивал ему изображаемое в своих текстах.

За четвертой печатью следует «конь бледный, и на нем всадник, которому имя

«смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными» [Библия 2000: 1093], т. е. и мир мертвых остается за ним. Аналогично в романе Шмелева за «этими» ничего «живого» не остается, они «под народное право все забрали: забрали и винные подвалы – хоть купайся, забрали сады и табачи, и дачи. Куда девали?! Провалились и горы сала, и овечьи отары, и подвалы, и лошади» [Шмелев 2014: 289].

Из-за умерщвления прежней жизни, из-за смерти животных, растений, деревьев наступает голод как всеобщее явление, от которого освобождены только «эти». Голод сопровождается расправами над всеми, кто считается «этими» врагом. Над жизнью довлеет призрак неизбежной смерти – и индивидов, и социального устройства, и традиции уклада жизни, и природы – смерти как конца старого мира. Шмелев рисует образ всеобщего разрушения старого уклада жизни и истребления людей, не входящих в круг «посвященных», с интенсивностью, похожей на громадные образы библейского текста. В тексте романа «главка за главкой повествуют о смертях: “Конец Бубика”, “Конец доктора”, “Конец Тамарки”, “Три конца” и, наконец, “Конец концов”. Умирают дети, курочки, павлины, кони, коровы, люди. Тощее солнце, больное, мертвое, освещает кладбище, грязный камень, ребенка “смертеньшица”» [Лейдерман 2012: 308]. В такой ситуации неудивительно, что главный герой полон эсхатологических настроений, представлений о Конце мира, искуплении и, в конце концов, о загробной жизни, ведь, как он говорит в одном из своих монологов, «не надо бояться смерти... За ней истинная гармония!» [Шмелев 2014: 261]. Вместе с тем «эти», как всадники апокалипсиса из шестой главы Откровения Иоанна Богослова, со смертью приводят и «черную пустоту» [Там же: 343], и «темные силы» [Там же] как форму мести за товарищей, павших во имя их новой идеологии; они даже превращают людей в «мертвецов ходячих» [Там же: 351], которые в соответствии спятой печатью «Откровения» будут «искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них» [Библия 2000: 1095].

После снятия шестой печати «произошло великое землетрясение, и солнце

стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь» [Там же: 1093]. Библейский Апокалипсис св. Апостола Иоанна Богослова достигает своего пика, перед которым «и цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор» [Там же]. Прячутся в своих временных убежищах и персонажи «Солнца мертвых». Кроме того, многие специфическим способом спрятаны «этими» – «целые армии в подвалах ждали. Юных, зрелых и старых» [Шмелев 2014: 193]. После приезда «этих» все больше и больше люди разбегаются, либо бегут сами, либо их принужденно «угнали за горы и... “выслали на Север”» [Там же: 203], на котором погибают от голода.

Смерть царит на земле, люди погибают от голода, убивают друг друга, но при этом ярко сияет солнце, и «когда солнце идет к закату, кладбищенская часовня пышно пылает золотом» [Там же: 366], словно насмехается солнце над жителями Крыма и «смеется Мертвым» [Там же]. Размышления рассказчика, воспринимающего отражение солнца на куполе часовни, тоже связаны с текстом «Откровения», в котором ожидается пришествие нового. Ведь св. Иоанн Богослов увидел «новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали» [Библия 2000: 1103]. И рассказчик в романе переосмысливает первичное впечатление, обращаясь к кресту на шее и к надежде на обновление после разрушения: «Весна... Золотыми ключами, дождями теплыми, в грозах, не отомкнет ли она земные недра, не воскресит ли Мертвых? Чаю Воскресения Мертвых! Я верю в чудо! Великое Воскресение – да будет» [Шмелев 2014: 367].

По снятию последней седьмой печати в «Откровении» приходит момент, когда «сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса» [Библия 2000: 1094]. Подобно тому и в романе мир в конце текста как будто остановился, застрял: люди перестают разговаривать, остаются якобы в ожидании чего-то, мир как будто смиренно принимает моментальное состояние. В «Апокалипсисе» не указывается точное время, он приурочен к ближнему неопределенному концу данного состояния мира. И в романе Шмелева время как априорная характери-

стика мира в виде конкретных данных становится категорией, не нуждающейся в точных данных, – рассказчик не приводит конкретных дат, он фиксирует состояние хаоса и разрушения, в котором отдельные события пересекаются и накладываются друг на друга, составляя собирательный образ утраты всех ценностей, уклада жизни, принципов социального сожительства, – образ конца одной эпохи и неясное представление о наступающем порядке, диктуемым «этими». Таким образом, рассказчик переходит от фиксации времени при помощи категории хронос (chronos), то есть от определения их места на временной шкале, к тематизации разрушения миропорядка в категории кайрос (kairos); он схватывает время как продолжающийся, точными вехами не определенный период, в течение которого длится ситуация, чем-то наполненная, но не изменяющаяся: в ней наслаиваются отдельные факты, приуроченные к конкретному пункту на оси времени, которое для рассказчика и для ему подобных как будто не движется. Это длящееся состояние, в котором потеряно все: «все в прошлом, и мы уже лишние» [Шмелев 2014: 227]. Единственным изменением, сдвигом остановившегося времени может стать смерть как завершение конца. Этот модус понимания времени несколько раз подчеркивается в нарративной линии рассказчика, составляя, по сути, психологическое и социальное *durée*, в котором отдельные события, отдельные моменты и эпизоды лишь подтверждают его суть, не играя самостоятельной существенной роли. Рассказчик это констатирует: «Да какой же месяц теперь – декабрь? Начало или конец? Спутались все концы, все начала» [Там же: 366]. Подобно раскрытию печатей в романе отдельные эпизоды следуют друг за другом, но они представляют собой только приметы одного основного крупномасштабного события – разрушения старого мира.

В романе все-таки встречается и образ будущего, но оно выходит за рамки и Крыма, и России. Масштабность и, по сути, «антикультурность» событий исторического катаклизма ставят под угрозу не только устои и культуру жизни России, они представляют собой и опасность для, как минимум, европейской культуры. Образ кон-

траста между послереволюционной Россией, проживающей гражданскую войну, в которой Крым является лишь небольшой частью, и бывшей, предреволюционной Россией дополняется вторым, не менее трагическим контрастом: умирающая и страдающая Россия конфронтируется с образами Западной Европы, которая не только не спасает Россию, но даже ведет переговоры и торгует с новыми ее хозяевами: «Смотри, Европа! Везут товары на кораблях, товары из стран нездешних: чаши из черепов человеческих – пирам веселье, человеческие кости – игрокам на счастье, портфели из “русской” кожи – работы северных мастеров, “русский” волос – на покойные кресла для депутатов, дароносицы и кресты – на портсигары, раки святых угодников – на звонкую монету. Скупай, Европа! Шумит пьяная ярмарка человеческой крови... чужой крови» [Там же: 183].

Противопоставление медленной смерти от голода в Крыму и пульсирующей, процветающей жизни в Европе усиливает всеохватывающее отчаяние и чувство обреченности на медленное психическое и физическое умирание. Шмелевский рассказчик в этих пассажах текста меняет свою роль: на место наблюдателя, хроникера приходит пророк. Он воспринимает обречение России на гибель как историческую несправедливость со стороны Западной Европы, которой Россия пришла на помощь во время Первой мировой войны. На просьбы русских солдат, которые «Родину и Европу защищали» [Там же: 193], о помощи Европа не ответила такой же помощью, как России после октября 1917 года. Рассказчик упрекает Европу в том, что она оставила Россию, не препятствуя разнузданному разрушению, связанному с революцией, носителями которой стали «эти». Картины деструкции России приобретают, таким образом, характер предвидения или даже «видения»: перед тем, что происходит в Крыму и в России как таковой, не может Европа чувствовать себя безопасной. Если не будет разнузданное насилие остановлено, все четыре всадника станут угрожать и Европе. Градация всеобщего разрушения и уничтожения, так четко изображаемая в библейском тексте «Апокалипсиса», находит свое отражение и в шмелевском романе; в его «видении» тематизирован потенциал перераста-

ния русской действительности во всемирное разрушение.

В заключении «Солнца мертвых» повторяется евангельская история об одном из наиболее известных событий, описанных в книгах Нового Завета, а именно о воскресении Иисуса Христа в Евангелии от Матфея: «Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть» [Библия 2000: 851–852]. В романе Шмелева, как утверждают его исследователи, «Христос явился в виде огненном, сделал слепых зрячими, обозначил тайну будущего века, которая откроется после гибели. Через отчаяние пробивается надежда, через ад – протягивается ниточка новой жизни» [Лейдерман 2012: 309]. В поле зрения рассказчика исчезает эсхатологическая атмосфера, и на смену ей в финале романа приходит вера в будущее, в продолжение жизни. Умерщвленный мир «Солнца мертвых» являет первые намеки на преодоление смерти: природа как будто поднимается из состояния смерти и возвращается к жизни: «Цветет миндаль. <...> В тени, под туей, распустились подснежники – из белого фарфора будто. На луговинках золотые крокусы глядятся <...> фиалки начинают пахнуть... <...> идет весна <...> черный дрозд запел <...> и пустырю споет, и нам, и домику» [Шмелев 2014: 372]. Шмелевым используется образ покоя, наставшего после открытия седьмой печати: разрушение не может продолжаться без конца. Представлены и сигналы, намекающие на внутреннее обновление личности, на возвращение религиозных обычаев в повседневную жизнь персонажей, что особенно ярко проявляется, например, когда Марина Семенова дала хлеб дяде Андрею, а тот, как описывает рассказчик, «покрестился, как из рук хлебушка взял! Так мне это понравилось!.. Душа-то православная...» [Там же: 365]. В Крым, прошедший через смерть и «Град Божий», возвращается (иррациональная) надежда на возобновление и продолжение жизни, которая появляется после преодоления ада как Преображение Господне.

Шмелев в «Солнце мертвых», подобно И. А. Бунину, Д. С. Мережковскому и другим писателям-эмигрантам первой волны, отразил разрушительную стихию Гражданской войны, когда все разбито и уничтожено «новыми хозяевами». Перед читателем все интенсивнее рисуется картина апокалипсиса, упадка, наступившего Конца, так как «эти», например, «сорвали колокола, сменяли на спирт подвальный. Пойдут колокола в дело – в пули» [Там же: 231]. С мастерской тонкостью Шмелев сумел включить в «Солнце мертвых» и структуру, и тематические элементы библейского текста, известного русскому читателю, усиливая тем самым значение происходящего катаклизма. Роман им выстраивается как стилизованная версия апокалипсиса, чем вписывается в актуализацию апокалиптической проблематики в творчестве крупнейших писателей и мыслителей Серебряного века, таких как Л. Н. Андреев, А. А. Блок, или М. А. Булгаков. Каждый из них по-разному воспринимал происходящие апокалиптические события в стране. Немного другой ракурс предоставляет, например, А. Белый, который, характеризуя духовные искания и творческие дерзания своего времени (т. е. начала XX века), отмечал: «Срыв старых путей переживается Концом Мира, весть о новой эпохе – Вторым Пришествием. Нам чутся апокалипсический ритм времени. К Началу мы устремляемся сквозь Конец» [Вацура 1980: 207].

Спустя три года после выхода романа в 1923 г. критик Ю. И. Айхенвальд писал: ««Солнце мертвых» останется в художественной сокровищнице русской культуры, среди тех, кровью и слезами написанных человеческих документов, какие грядущим поколениям расскажут о водворении ада на русской земле – Апокалипсис Русской Истории» [Айхенвальд 1926: 3]. Столь уважительного отклика заслужил Шмелев тем, что внес в сюжет романа и свой личный опыт, и опыт и судьбы персонажей, образцами которых стали реальные люди, но возвысил их на уровень изображения рокового Конца Мира в библейском «Апокалипсисе».

Литература

Айхенвальд, Ю. Литературные заметки // Руль. – 1926. – № 1813. – С. 2-3.

- Амфитеатров, А. В. Страшная книга / А. В. Амфитеатров // Возрождение. – 1926. – № 533. – С. 2.
- Бальмонт, К. Д. Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения. 1926–1936 / К. Д. Бальмонт. – М.: Собрание, 2005. – 430 с.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. – М.: Свет на Востоке, 2000. – 1152 с.
- Блишч, Н. Л. История литературы русского зарубежья: проза и поэзия первой «волны» / Н. Л. Блишч. – Минск: БГУ, 2017. – 143 с.
- Вацууро, В. Э. Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1 / В. Э. Вацууро [и др.]. – М.: Художественная литература, – 1980. – 549 с.
- Догнал, Й. Русская «малая проза» рубежа XIX–XX веков в контексте изучения европейских моделей мира / Й. Догнал. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2014. – 186 с.
- Лейдерман, Н. Л. Русская литература XX века 1917–1920-е гг.: в 2 т. Т. 2 / Н. Л. Лейдерман [и др.]. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 544 с.
- Моторин, А. «Слово» как вид произведения в древнерусской словесности / А. Моторин. – Текст: электронный // pravoslavie.ru. – 20.03.2008. – URL: <https://pravoslavie.ru/1263.html> (дата обращения: 27.07.2021).
- Черникова, А. П. Шмелев И. С. Автобиография / А. П. Черникова // Русская литература. – 1973. – № 4. – С. 141–146.
- Шмелев, И. С. Солнце мертвых / И. С. Шмелев. – М.: Эксмо, 2014. – 640 с.

References

- Amfiteatrov, A. V. (1926). *Strashnaya kniga* [Terrible Book]. In *Vozrozhdenie*. No. 533, p. 2.
- Balmont, K. D. (2005). *Konstantin Bal'mont – Ivanu Shmelevu. Pis'ma i stikhotvoreniya. 1926–1936* [Konstantin Balmont – to Ivan Shmelev. Letters and Poems. 1926–1936]. Moscow, Sbranie. 430 p.
- Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zavetov* [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. (2000). Moscow, Svet na Vostoke. 1152 p.
- Blishch, N. L. (2017). *Istoriya literatury russkogo zarubezh'ya: proza i poeziya pervoi «volny»* [History of Russian Literature Abroad: Prose and Poetry of the First “Wave”]. Minsk, BGU. 143 p.
- Dognal, J. (2014). *Russkaya «malaya proza» rubezha XIX–XX vekov v kontekste izucheniya evropeiskikh modelei mira* [Russian “Small Prose” at the Turn of the XIX–XX Centuries in the Context of the Study of European Models of the World]. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 186 p.
- Eichenwald, Y. (1926). *Literaturnye zametki* [Literary Notes]. In *Rul'*. No. 1813, pp. 2–3.
- Chernikova, A. P. (1973). Shmelev I. S. *Avtobiografiya* [Shmelev I. S. Autobiography]. In *Russkaya literatura*. No. 4, pp. 141–146.
- Leiderman, N. L. et al. (2012). *Russkaya literatura XX veka 1917–1920-e gg.: v 2 t.* [Russian Literature of the 20th Century 1917–1920s., in 2 vols]. Vol. 2. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 544 p.
- Motorin, A. (2008). «Slovo» kak vid proizvedeniya v drevnerusskoi slovesnosti [“Word” as a Type of Work in Old Russian Literature]. In *pravoslavie.ru*. 20.03. URL: <https://pravoslavie.ru/1263.html> (mode of access: 27.07.2021).
- Shmelev, I. S. (2014). *Solntse mertvykh* [Sun of the Dead]. Moscow, Eksmo. 640 p.
- Vatsuro, V. E. et al. (1980). *Aleksandr Blok v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t.* [Alexander Blok in the Memoirs of His Contemporaries, in 2 vols]. Vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 549 p.

Данные об авторах

Догнал Йозеф – профессор Института славистики Философского факультета, Университет им. Масарика (Брно, Чехия); профессор кафедры русистики Философского факультета, Университет Св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Словацкая Республика).
Адрес: 60200, Česká republika, Brno, Arne Nováka, 1; 91701, Slovak Republic, Trnava, Nám. J. Herdu 2.
E-mail: josef-dohnal@volny.cz.

Цинтула Игорь – аспирант кафедры русистики Философского факультета, Университет им. Св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Словацкая Республика).
Адрес: 91701, Slovak Republic, Trnava, Nám. J. Herdu 2.
E-mail: igor.rudolfovic.c@gmail.com.

Authors' information

Dohnal Josef – Professor of Institute of Slavic Studies of Faculty of Arts, Masaryk University (Brno, Czech Republic); Professor of Department of Russian Studies of Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius (Trnava, Slovak Republic).

Cintula Igor – Postgraduate Student of Department of Russian Studies of Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius (Trnava, Slovak Republic).

Дата поступления: 29.08.2021; дата публикации: 30.03.2022

Date of receipt: 29.08.2021; date of publication: 30.03.2022